

«Работаем здесь полным ходом»: кафедра классической филологии ЛГУ в эвакуации в Саратове (1942–1944)*

Артем Михайлович Скворцов

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5;
artyom-skvorcov@yandex.ru

Для цитирования: Скворцов А. М. «Работаем здесь полным ходом»: кафедра классической филологии ЛГУ в эвакуации в Саратове (1942–1944). *Philologia Classica* 2023, 18 (1), 125–138. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2023.111>

История классической филологии в СССР в годы Великой Отечественной войны в науке еще не получила должного освещения. Несмотря на бытовые и материальные трудности, разрыв коммуникаций, недоступность литературы, занятия наукой и подготовка молодых кадров продолжались. В статье на основании разрозненных архивных данных и источников личного происхождения определяются способы адаптации сотрудников эвакуированной в Саратов кафедры классической филологии ЛГУ к условиям военного времени в вопросах организации учебного процесса и научного творчества (1942–1944). Кадровый состав подразделения, включавший пять человек во главе с И. М. Тронским, позволял осуществлять преподавание латинского языка и античной литературы на историческом и филологическом факультетах, а также готовить небольшое количество студентов-«классиков» по сохранившимся в Саратове дореволюционным пособиям. Научные же разработки сотрудников кафедры шли вразрез с общей факультетской темой — «Литература и война». Названия докладов И. М. Тронского, Я. М. Боровского, Г. А. Стратановского свидетельствуют о стремлении продолжать, насколько позволял книжный фонд, начатые до войны темы либо разрабатывать сюжеты рецепции античного наследия. Под руководством И. М. Тронского в начале 1944 г. Т. Н. Чикалина защитила вполне традиционную для специальности диссертацию, посвященную синтаксису Законов XII таблиц. О желании не прерывать подлинно научные филологические исследования, быть в фарватере мировой науки говорит и выбранная в 1944 г. кафедральная тема — «Луcreций» — в честь памятной даты 2000-летия со дня смерти поэта.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, история классической филологии, Тронский, Ленинградский государственный университет, филологический факультет, высшее образование в СССР.

Военное время в истории кафедры классической филологии ЛГУ еще не стало предметом специального исследовательского внимания. Эти трагические для страны годы трудно вспоминать, эмоционально нелегко изучать. Классическая

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 23-28-00240 «Мобилизация древней истории: институциональные трансформации и советский военно-исторический нарратив 1941–1945 гг.».

филология понесла невосполнимые потери: от голода, болезней и лишений погибли А. В. Болдырев, А. Н. Зограф, С. В. Меликова-Толстая, Ф. Т. Тимофеев, Ф. Г. Яковиди и др. Представление же о быте выживших ученых в блокадном Ленинграде и в эвакуации в Саратове (1942–1944) дают немногочисленные, разрозненные, плохо сохранившиеся документы, поэтому в имеющемся на сегодняшний день наиболее полном обзоре истории кафедры есть лишь краткая информационная справка о военном периоде.¹ Однако, несмотря на тяготы, не прекращалась ни научная, ни педагогическая деятельность: кафедра обучала студентов-классиков, обсуждала диссертации аспирантов и соискателей докторской степени, заслушивала на своих заседаниях научные доклады.

Период 1941–1945 гг. как особый в истории науки был выделен в результате дискуссии на рубеже 1950–1960-х гг., начатой в Институте истории АН СССР и вышедшей затем на страницы печати. Участник тех обсуждений М. Е. Найденов писал: «Война оказала чрезвычайно большое влияние на характер проблематики, разрабатывавшейся историками нашей страны в 1941–1945 гг., а также на размах научно-исследовательской работы по истории СССР и всеобщей истории в эти годы. Этих двух обстоятельств, как нам кажется, вполне достаточно для того, чтобы выделить период Великой Отечественной войны в особый этап развития советской исторической науки».² Другими словами, изменение тематики исторических работ и уменьшение объемов научно-исследовательской деятельности стали причинами для выделения особого периода развития науки. Сложно спорить с тем, что война помещает общество (в том числе и ученых) в кардинально иные условия жизни и труда, максимально напрягает все возможные ресурсы. Пропаганда этого времени стремилась сформировать определенный образ советского гражданина — бросившего все силы на достижение Победы. Но стратегии отдельных людей, очевидно, были различными. Ученые, кроме того, стремились в тяжелейшее время лишений сохранить исследовательские традиции и направления, не потерять накопленные достижения.

Итак, в Наркомате просвещения РСФСР понимали необходимость спасения профессорско-преподавательских кадров, поэтому в конце февраля 1942 г. был издан приказ начать эвакуацию Ленинградского университета. По распоряжению Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 24 февраля 1942 г., запрещалось заселять жилплощадь, принадлежащую эвакуированным академикам, докторам наук и профессорам, и предписывалось соответствующим структурам обеспечить сохранность остающегося в квартирах имущества.³ Ученым удалось, вероятно, вывезти небольшое количество научной литературы вместе с остальным багажом. Так, С. И. Ковалев в письме Е. А. Миллиор от 26 марта 1943 г. сообщил, что Институт истории материальной культуры привез в Елабугу около 2000 книг по археологии.⁴ Личные библиотеки остались в Ленинграде, но за ними присматривали неэвакуированные сотрудники университета, общавшие ректору в Саратов обо всех происшествиях. Известно, что в ночь с 7 на

¹ Дуров 2004, 4.

² Найденов, 1961, 94.

³ Так, за И. М. Тронским была сохранена 93-метровая квартира по адресу: Невский проспект, 11/2, кв. 2, о чем свидетельствовала выданная справка: СПбФ АРАН. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 159. Л. 5.

⁴ РО ИРЛ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 438. Л. 1 об.

8 ноября 1942 г. дом, где находилось имущество Я. М. Боровского, подвергся немецкой бомбардировке, в результате чего оказалась снесена крыша дома и поставлено под угрозу ценное книжное собрание филолога. В архивах сохранилась переписка, проводившаяся на уровне ректора, о спасении библиотеки Я. М. Боровского и перенесении ее в безопасные места.⁵

Основная часть подразделений эвакуированного университета разместилась в Саратове, некоторая — в Елабуге.⁶ Одновременно с этим стал происходить просмотр программ, чтобы максимально приблизить их к потребностям войны.⁷ Материальная база Саратовского университета оказалась недостаточной для полного восстановления учебной и научно-исследовательской деятельности одного из старейших университетов страны. Кроме того, если в довоенное время на разных факультетах обучалось около 6000 человек без учета заочного отделения, то 1 апреля 1942 г. к занятиям в Саратове приступили 361 человек (треть студентов влились в ряды Народного ополчения, другие отчислились в связи с индивидуальной эвакуацией, попали в больницы, погибли, либо разъехались по домам).⁸ Для увеличения контингента обучающихся были поданы объявления в центральные и местные органы печати об открытии Ленинградского университета в Саратове, была проведена профориентационная работа с оканчивающими среднюю школу. В результате 575 человек подали заявления о зачислении, а приступили к занятиям 1 сентября 1942 г. только 387: остальным приехать в Саратов не удалось из-за невыезда пропусков и транспортных проблем.⁹ Всего же в тот период обучалось 669 человек, из них на филологическом факультете — самом многочисленном (sic!) — 156.¹⁰ Но в этих условиях нашлись возможности для реализации учебной программы по классической филологии. На фоне общего сокращения числа специальностей, по которым велась подготовка кадров в университете, с 42 (в довоенное время) до 22 (1942 г.), а кафедр с 98 до 50, сохранение старейшей, но вместе с тем, казалось бы, «неактуальной» для периода войны специальности позволяет предположить, что даже в тяжелейших условиях продвижения по территории страны оккупационной армии университетское начальство и ученые стремились сохранять научные традиции, видимо, понимая, что в послевоенное время предпринятые усилия позволят с большим успехом вернуть достижения мирного времени.

Кафедра классической филологии была эвакуирована в Саратов в неполном составе. На 1941–1942 учебный год на кафедре было запланировано 24,5 ставки: 1 для зав. кафедрой-профессора, 1 профессорская, 10 доцентских, 12,5 ассистентских.¹¹ Подразумевалось привлечение к педагогической работе большого числа недавно выпустившихся воспитанников кафедры. Но уже в первые месяцы войны штатное расписание было пересмотрено, и на 1 августа 1941 г. оказалось выделено 17 единиц (2 профессорских, 4 доцентских, 11 ассистентских) с резолюцией «освободить 4 преп[одавателя]». ¹² К началу первого военного учебного года на ка-

⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 717. Л. 47.

⁶ Соболев 1962, 176.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 696. Л. 2 об.

⁸ Там же. Л. 5 — 5 об.

⁹ Там же. Л. 6 об.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Там же. Д. 705. Л. 72.

¹² Там же. Д. 708. Л. 8.

федре состояли: профессора О. М. Фрейденберг, И. И. Толстой; доценты А. В. Болдырев, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко, И. М. Тронский; старшие преподаватели М. Н. Дювернуа, В. В. Петухова; ассистенты Ф. Г. Яковиди, Л. Л. Спасский, Ф. Т. Тимофеев, Е. Л. Мисевра, Е. М. Заплатаина. В аспирантуре были О. А. Гутан, Т. Н. Чикалина.¹³ После эвакуации в Саратов за кафедрой числились: проф. И. М. Тронский (заведующий кафедрой), доц. Я. М. Боровский, доц. Г. А. Стратановский, асс. Е. Л. Мисевра и Т. Н. Чикалина (последняя являлась аспиранткой). В Ленинграде осталась О. М. Фрейденберг, тяжело пережившая блокаду, в Казани как сотрудник Института истории литературы АН СССР оказался И. И. Толстой со своей женой С. В. Меликовой-Толстой (умерла 31 июля 1942 г.),¹⁴ не отправилась в эвакуацию и М. Е. Сергеенко.¹⁵

Студенческий состав отделения классической филологии можно восстановить по делопроизводственной документации. Из всех обучающихся довоенного времени в Саратов удалось эвакуироваться лишь Т. А. Лукиной,¹⁶ остальные — либо ушли на фронт, либо не пережили зиму 1941–1942 гг. Т. А. Лукина поступила в университет в 1938 г. и окончила его по ускоренной программе в августе 1942 г.¹⁷ Причем в последний год обучения, вероятно, вследствие нехватки педагогов ей пришлось прослушать курсы китайского и японского языков.¹⁸ Сведениями об обучающихся делится И. М. Тронский в письме Е. А. Миллиор от 23 декабря 1942 г.: «Студентов немного — трое новопринятых на первом курсе, среди них один мальчик, очень способный, одна студентка на втором курсе (так и говорим: второй курс сегодня заболела), старших курсов у нас нет».¹⁹ Отсюда становится понятным, что учебная нагрузка преподавателей кафедры классической филологии была огромной, если учесть наличие курсов по древним языкам и античной литературе на других специальностях филологического и исторического факультетов. Заметим, что, например, на историческом факультете латинский язык изучался в течение 5 семестров: на 1-м и 2-м курсах по 4 часа в неделю (в год — 136 часов), на 3-м курсе 2 часа в неделю (34 часа в семестр).²⁰ В университетском фонде Центрального государственного архива чудом сохранился единственный протокол заседания кафедры классической филологии военного времени — от 6 апреля 1944 г.²¹ На заседании происходило в том числе обсуждение учебной работы. Документ позволяет выяснить, что в тот год на первом курсе обучалось 4 человека (Розина, Банная, Кочеткова, Кольман).²²

¹³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 708. Л. 94–95.

¹⁴ См.: АРАН. Ф. 597. Оп. 4. Д. 70. Л. 1.

¹⁵ Гаврилов, Казанский 1993, 319.

¹⁶ «Я выжила просто чудом», — такими словами Т. А. Лукина закончит повествование об эвакуации в Саратов: Лукина 2011, 543.

¹⁷ В самом начале войны Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР ввел новые учебные планы, по которым срок обучения в университетах сокращался с 5 до 3,5 лет, в педагогических институтах — с 4 до 3 лет, за счет увеличения учебной недельной нагрузки (с 36 до 42 часов), уменьшения времени на каникулы, практики и дипломное проектирование: Высшая школа в годы Великой Отечественной войны 1995, 28.

¹⁸ ОА СПбГУ. Ф. 1. Личные дела студентов 1930–1941 гг. Св. 16. Д. 380597. Л. 15 об.

¹⁹ Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор 2000, 78.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 733. Л. 32–34.

²¹ Там же. Д. 807. Л. 184 — 184 об.

²² Указаны, к сожалению, только фамилии. Воспоминания Р. В. Кинжалова позволяет восстановить только имя первой из этого списка — Татьяны Розиной, которая вместе с Кинжаловым оканчивала филологический факультет в послевоенное время (Кинжалов 2013, 112).

Древнегреческий язык вел Я. М. Боровский по дореволюционной хрестоматии П. М. Носова, латинский язык — И. М. Тронский и Т. А. Лукина. На втором курсе числился один студент Р. В. Кинжалов, который «особого интереса к языку... не проявлял» и допускал у Я. М. Боровского на занятиях по чтению Геродота «элементарные ошибки». ²³ Чтение латинских авторов (Тита Ливия, Вергилия и Горация) у Я. М. Боровского и И. М. Тронского одним-единственным студентом осталось без оценки кафедры. Р. В. Кинжалов, в будущем известный исследователь культур Мезоамерики, попал на кафедру случайно. В октябре 1942 г., освободившись от службы в армии по состоянию здоровья, он приехал в Саратов с надеждой изучать клинопись, однако для этого не имелось возможности (не было соответствующих пособий), и его И. М. Тронский уговорил учиться на классическом отделении, которое Кинжалов окончил уже в послевоенное время. ²⁴ Состав третьего курса поименно в протоколе не называется, лишь сообщается о чтении студентами Геродота и Исократа (у Я. М. Боровского), Ливия, Тибула (у него же) и Горация (у И. М. Тронского).

Нельзя вместе с тем не отметить, что для организации учебного процесса по чтению древних авторов в Саратове имелся, вероятно, неплохой книжный фонд с соответствующими текстами, оставшийся от дореволюционных гимназий и от функционировавшего здесь в 1917–1920 гг. отделения классической филологии, организованного С. В. Меликовой-Толстой, на котором преподавали также М. Е. Сергеенко и В. Я. Каплинский. ²⁵ Об уровне подготовки достаточно красноречиво свидетельствуют фигуры выпускников этого отделения — А. В. Болдырева, А. И. Доватура. В Саратове завершала свое обучение М. Е. Сергеенко, сдавшая в городе на Волге в 1920 г. магистерские экзамены. ²⁶ Поэтому, в отличие от других отделений филологического факультета, на классическом отделении эвакуированного Ленинградского университета вопрос о недостаточной обеспеченности пособиями не стоял столь остро. ²⁷

Среди преподавателей классического отделения эвакуированного Ленинградского университета не упоминается Г. А. Стратановский, хотя он числился в штатном составе кафедры. Но дело в том, что в Саратов не приехал ни один историк-антиковед, ²⁸ поэтому курс по древней истории попросили взять сначала

²³ Вот как о преподавании Я. М. Боровского вспоминает Р. В. Кинжалов: «Вторым моим учителем в саратовский период был Яков Маркович Боровский. Он должен был преподавать мне древнегреческий. Пишу “должен был” потому, что это не было обучением в собственном смысле слова. Я. М. был убежден, что всякий приходящий на классическую кафедру должен знать древнегреческий. Можно представить мой ужас, когда Боровский при первой нашей встрече, небрежно полистав гимназический учебник Кюнера, сказал: “Ну, вот, к следующему занятию освежите память по всем склонениям!” А я и греческий алфавит знал лишь по школьному курсу геометрии и тригонометрии» (Кинжалов 2013, 79).

²⁴ Кинжалов 2013, 70–72.

²⁵ Подробнее см.: Кащеев 2020, 364–367.

²⁶ Кащеев 2020, 366.

²⁷ Недостаток книг и учебных пособий неоднократно упоминается в отчетах. См., напр.: ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 696. Л. 3 об.; ЦГА СПб. Ф. 7240. Ф. 14. Д. 740. Л. 33 об. и т. д.

²⁸ С. И. Ковалев в письме Е. А. Миллиор от 26 марта 1944 г. о себе сообщает следующее: «С семьей эвакуировался из Ленинграда 12 июля 1942 г. с последним академическим эшеленом (страшно не хотелось покидать родного города)... мы все очутились в Елабуге вместе со многими академическими работниками. Но часть их уже осенью 1942 г. разъехались — часть в Ташкент, другие в Алматы, третьи в Саратов. Мы решили остаться, так как в начале сентября приехал Воронежский университет, и работы нам всем было более чем достаточно (в Елабуге есть, кроме этого, Учительский

И. М. Тронского, который в свою очередь, сославшись на невозможность разработки нового курса в сложившихся условиях, переложил его на Г. А. Стратановского. Надеялись на прибытие С. Я. Лурье, который еще с августа 1941 г. находился в эвакуации в Иркутске, где занимал место профессора и декана исторического факультета, а с января 1943 г. — в Москве, куда был вызван по специальной телеграмме вице-президента Академии наук В. П. Волгина и зачислен в Институт истории для подготовки сборника в честь 300-летия И. Ньютона.²⁹ Лурье не спешил в Саратов, на письма оттуда не отвечал, долгое время сохраняя молчание,³⁰ и появился в городе на Волге лишь к осени 1943 г.,³¹ когда, вероятно, подготовил докторскую диссертацию «Художественная форма и вопросы современности в античной трагедии» и планировал ее защищать. В одном из писем к Е. А. Миллиору от 3 марта 1944 г. он объяснил свое поведение следующими словами: «Береженого и бог бережет»...³²

Образовательный уровень студентов, зачисленных в Ленинградский университет в те годы, был невысок. В отчете филологического факультета за 1942/1943 учебный год содержится настоятельное требование преподавателям обратить особое внимание на ликвидацию «литературной малограмотности» и поднятие культурного уровня студентов первого и второго курсов.³³ Такое положение стало следствием отмены традиционных вступительных испытаний ввиду низкого конкурса: без экзаменов принимались кандидаты, окончившие среднюю школу на «отлично» и «хорошо», а при наличии свободных мест — просто с положительными в аттестате отметками.³⁴ Нельзя не упомянуть и об общих условиях проведения занятий. Аудиторный фонд был крайне ограничен: в одной комнате могли заниматься сразу несколько групп; для обеспечения учебного процесса использовались коридоры и другие малопригодные помещения без досок и необходимой мебели.³⁵ При минусовой температуре в аудиториях лекции и практики переносились в общежитие для преподавателей, располагавшееся в бывшей гостинице «Россия». Руководство университета сообщало в вышестоящие инстанции об успешном преодолении трудностей. Сохранились подготовительные материалы к отчету за первое полугодие 1943 г., содержащие показательные исправления. Так, была вычеркнута строчка о способе преодоления нехватки аудиторий путем размещения нескольких групп в одной комнате, а также об отрицательном влиянии на научно-исследовательскую работу недостатка приборов.³⁶ Но зато включены в текст следующие восхваления: «Огромное значение для укрепления морального и физического состояния коллектива... имело исключительное внимание правительства, которым

институт, где мне также пришлось и до сих пор приходится читать почти все исторические курсы!» (РО ИРЛ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 438. Л. 1 — 1 об.). Из этого же письма становится известно о местонахождении в военные годы других сотрудников кафедры истории Древней Греции и Рима: Д. П. Каллистов работал в Институте истории АН СССР в Москве, К. М. Колобова — в Куйбышевском педагогическом институте.

²⁹ Жмудь 2016, 13.

³⁰ О «полном молчании» С. Я. Лурье сообщает, например, Э. А. Соломоник в письме Е. А. Миллиору от 27 апреля 1944 г.: РО ИРЛ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 488. Л. 1 об.

³¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1775. Л. 13.

³² Из «Ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор 2000, 83.

³³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 740. Л. 44 об.

³⁴ Высшая школа в годы Великой Отечественной войны 1995, 29.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 807. Л. 47.

³⁶ Там же. Л. 47 — 47 об.

неизменно пользовался Ленинградский университет. В частности, университету неоднократно предоставлялись дотации пищевых продуктов и отпускались промтовары первой необходимости». ³⁷ И. М. Тронский таким образом оценивает «продовольственную ситуацию»: «Питание ниже среднего, рынок почти недоступен, разве только в обмен на какие-нибудь излишки выдаваемых продуктов. Все же время от времени подкидывают кое-что, масло, сахар и пр. Это т. н. «дотация», или, как говорят студенты, «додация», и распределяется она тоже по строгой иерархии: нам причитается один профессорский и один доцентский паек. Впрочем, несмотря на весь опыт прошлой зимы [речь идет о зиме 1941–1942 г. в Ленинграде — А. С.], я не могу приучить себя смотреть на все эти вещи, как на нечто серьезное». ³⁸ Молодой ректор ЛГУ А. А. Вознесенский, который с мая 1942 г. являлся одновременно и ректором Саратовского университета, ³⁹ что позволило объединить ресурсы двух учреждений, рапортовал, что к сентябрю 1942 г. все студенты были прикреплены к столовой и были обеспечены жилплощадью; нуждающимся «выдавались [курсив мой — А. С.] продовольственные дотации (сахар, масло, яйца)» и «оказывалась промтоварная помощь: выдано 3577 метров белого материала, 117 пар обуви, 11 костюмов, трикотажных изделий 197 шт.». ⁴⁰ На практике, еды настолько не хватало, что некоторые студенты умирали с голоду. ⁴¹ Контингент обучающихся стремились сохранять (ввиду его малочисленности) и не отчислять за несданные зачеты и экзамены. Так, например, в первое полугодие из 138 отчисленных только двое относились к категории «неуспевающие». ⁴²

Помимо учебной работы, преподаватели уделяли внимание и научному творчеству, о чем структурные подразделения университета подавали регулярные отчеты. Возможность публикации серьезных исследований в годы войны отсутствовала. Уже летом 1941 г. гуманитарные научные силы страны были брошены на написание популярных (по сути пропагандистских) брошюр, направленных на разоблачение фашизма и развитие патриотических чувств. Причем, как отмечает И. Д. Удальцов, задание распространялось на всех, вне зависимости от писательских талантов ученого, в результате чего 70 % работ оказались забракованы. Даже академический «Исторический журнал» до конца 1944 г., стремясь «быстро включиться в помощь нашему народу нашей пропагандой в области исторической науки» стал публиковать статьи популярного характера, небольшие по объему и «недостаточно высокого уровня». ⁴³

Перед вузами была поставлена задача: в течение 1941/1942 учебного года всю учебную и научную работу подчинить интересам войны под лозунгом «Все для Победы!». Конечно, руководители университетов и институтов рапортовали по ито-

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 114. Д. 807. Л. 48.

³⁸ Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор 2000, 79.

³⁹ Аврус, Гапоненков, Данилов 2009, 196.

⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 696. Л. 7.

⁴¹ Вот что вспоминает Р. В. Кинжалов: «В Саратове голодали все — и студенты, и преподаватели. Хлеб профессуре ЛГУ выдавался в том же банкетном зале, где И. М. Тронский занимался со мной, и я часто был свидетелем этой процедуры. Б. М. Эйхенбуам, получив хлеб, нес его в свой номер как драгоценность на раскрытых ладонях. Другой профессор, отойдя от киоска, не мог удержаться, чтобы не отщипнуть кусочек корочки. Может быть, из-за голода многие курили» (Кинжалов, 2013, 87; о случаях голодных смертей см.: Кинжалов, 2013, 96).

⁴² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 807. Л. 184 об.

⁴³ Из доклада Б. М. Волина о работе «Исторического журнала», 28 мая 1945 г.: АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 106. Л. 3 об. — 4.

гам года о пересмотре программ с целью приближения их к потребностям военного времени. Ректор ЛГУ А. А. Вознесенский отмечал, например, что практика геолого-почвенного факультета проводилась в рамках специального задания по изысканию залежей угля и стали, студенты-биологи изучали водоросли саратовских озер для поднятия эффективности рыбного хозяйства, а в программы по истории литературы и по истории искусства внесены темы, связанные с отражением войны в художественных текстах и произведениях искусства, профессорами всячески подчеркивались патриотические темы в творчестве русских писателей. Общая для филологического факультета ЛГУ научная тема на 1942 г. звучала незамысловато: «Литература и война». Конкретные тематические разделы формулировались следующим образом: «проблема героизма и мужества в освещении литературы; патриотизм народа, защищающего отечество; проблема справедливых и несправедливых войн; проблема морали, понимания личности; философские вопросы, связанные с темой войны».⁴⁴ Исходя из своих собственных интересов, поставленных руководством задач и имеющейся скудной литературы в библиотечных фондах Саратова, филологи предложили и разработали такие вопросы: «Героический эпос и война» (В. Я. Пропп), «Воинская повесть русского Средневековья» (И. П. Еремин), «Война в русской литературе XVIII и начала XIX вв.» (Г. А. Гуковский), «Проблема войны в творчестве М. Ю. Лермонтова» (Б. М. Эйхенбаум), «Некрасов и война» (В. Е. Максимов).⁴⁵

После коренного перелома в войне возобладала тенденция прославления многовековой предыстории Советского государства, причем с акцентом на исключительную роль русского народа в истории, его культурном превосходстве, заслугах перед Европой.⁴⁶ В соответствии с генеральной линией, историками и филологами ЛГУ в 1943 г. были прочитаны циклы лекций «Классики русской культуры» и «Великие русские ученые».⁴⁷ На этом фоне представлявшиеся по различным поводам доклады сотрудников кафедры классической филологии звучали в определенном смысле диссонансом. Так, согласно отчету о НИР за 1943 г., Я. М. Боровский подготовил сообщение «К толкованию сатир Горация», Г. А. Стратановский «К толкованию Monumentum Ancusranum», И. М. Тронский «Пережиточные моменты в употреблении множественного числа в греческом и латинском языках».⁴⁸ Вероятно, поэтому в общих годовых отчетах филологического факультета не дается оценка кафедре классической филологии, а о ее научной работе говорится абстрактно, вскользь и между прочим. Например, в отчете за 1942 г. содержатся следующие строки: «Много внимания было отдано исследованиям по фольклору и по классической филологии (В. Я. Пропп, И. М. Тронский, Я. М. Боровский, И. М. Колесницкая)».⁴⁹

В сохранившихся документах имеются лишь общие формулировки тем, поэтому не представляется возможным выяснить содержание докладов. Но этих формулировок вполне достаточно для понимания избранного эвакуированными филологами-классиками способа адаптации к действительности. Даже в период сильных эмоциональных, бытовых, физических потрясений они стремились организовать

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 730. Л. 16.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Подробнее об отражении этой тенденции на деятельности филологов-классиков см.: Скворцов 2022, 1299–1308.

⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 807. Л. 87.

⁴⁸ Там же. Д. 805.

⁴⁹ Там же. Д. 730. Д. 16 об.

вокруг себя прежнюю повседневность и не потерять лицо подлинного ученого. Отношение заведующего кафедрой И. М. Тронского к «новомодным» темам пропагандистского характера можно понять из строчек ироничного характера, содержащихся в упоминавшемся выше письме к Е. А. Миллиор: «Все ожидали мы приезда Солом[она] Яковлевича, но он что-то не едет и почивает на своих иркутских лаврах, расправившись с Платоном и Аристотелем, к[ото]рых он произвел в античные предшественники фашизма».⁵⁰ Далее автор сообщает о своих планах: «Собираюсь в 1943 г. заниматься тем, что по местным условиям возможно: кое-что лингвистическое, затем облюбовал себе Эсхила и, наконец, хочу попробовать темы антично-русских отношений, в частности вопрос о взглядах шестидесятников — Добролюбова, Чернышевского (Саратов!) и др. на античную культуру и об отражении этих взглядов в методологии русских филологов-классиков».⁵¹ Несмотря на трудности, сведения о своей деятельности И. М. Тронский обобщит следующими словами: «Работаем здесь полным ходом, *поскольку речь идет об университетских занятиях* [курсив мой — А. С.]».⁵² Последние слова красноречиво свидетельствуют о желании человека, их написавшего, следовать высоким идеалам преподавателя университета даже в период войны. Под руководством И. М. Тронского в начале 1944 г. была защищена кандидатская диссертация по классической филологии выпускницей кафедры Т. Н. Чикалиной «Структура предложения в памятниках древнейшего римского права». Тема латинского синтаксиса стала одной из коллективных еще в 1939 г.,⁵³ а в 1940 г. Чикалина стала аспиранткой кафедры. В тексте самой работы не прослеживается налета военного времени. В первой главе автор анализирует неопределенно-личное употребление 3-го лица единственного числа активного залога, характерное для древнего законодательства, во второй — на основании статей, посвященных предписаниям и запретам, выявляет генезис вокатива, императива, условного предложения, а также возможности употребления отрицания при императиве, наконец в третьей — изучает вопросительное предложение на основе вопросо-ответных формул при договоре *stipulatio*.⁵⁴ Конечно, диссертант в ходе подготовки исследования встретилась с проблемой недостатка литературы в Саратове, но ей удалось на лето 1943 г. получить командировку в Казань, где имелись основные книги на иностранных языках по специальности до 1920 г. издания.⁵⁵ Там же она смогла проконсультироваться по возникшим вопросам с И. И. Толстым.

Не имея возможности в полной мере заниматься излюбленными научными сюжетами, И. М. Тронский изучал вопросы рецепции античности, продолжал совершенствовать свое учебное пособие по истории античной литературы и концептуально осмыслять его. На юбилейной научной сессии в честь 125-летия Ленинградского университета (февраль 1944 г.) он сделал доклад о стадийном развитии античной литературы. По его словам, «изучение античной литературы в ее стадийно закономерных движениях и стадийно обусловленной ограниченности позволило конкретизировать в применении к литературе мысль К. Маркса об античном обществе как особой ступени развития в истории человечества», а греческая

⁵⁰ Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор 2000, 79.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, 78.

⁵³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 518. Л. 5 об.

⁵⁴ Там же. Оп. 12. Д. 1803. Л. 2.

⁵⁵ РО ИРЛ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 447. Л. 2.

и римская литература должны рассматриваться как два варианта стадийно единого процесса.⁵⁶ Проведенный в разгар войны с помпой юбилей Ленинградского университета⁵⁷ явился поводом для актуализации истории отдельных его кафедр и научных направлений, что позволяло провести связь между различными поколениями, консолидировать сообщество универсантов.⁵⁸ Советский период истории науки позиционировался как логичное продолжение дореволюционной российской науки. Ленинградские ученые середины XX в. представлялись наследниками своих великих предшественников. И это обстоятельство лишней раз подталкивало к соблюдению тех научных принципов и методик, которые отстаивали учителя и на которых зиждились достойные научные открытия.

Поэтому, думается, не случайно в 1944 г. кафедрой классической филологии была выбрана довольно презентабельная и серьезная тема «Лукреций», рассчитанная на три года. Интерес к этому античному автору И. М. Тронский, руководитель группы, обосновывал с нескольких позиций: 1) с точки зрения господствующей в Советском Союзе марксистской философии, произведение Лукреция «О природе вещей» представляет несомненный интерес, так как здесь изложен античный атомизм в его самой развитой форме; 2) вклад в филологическую науку мог быть внесен путем изучения жанра «философской поэмы как определенной ступени в истории художественного освоения действительности; наконец, 3) 1945/1946 год является юбилейным в связи с двухтысячелетием смерти поэта.⁵⁹ В таком обосновании видится четко выверенная стратегия по актуализации далеких во времени и проблемном отношении тем: следовало показать важность для марксизма — идеологической основы советского государства и общества, теоретическую значимость для общей филологической науки, а также подчеркнуть значимость для мировой науки, вследствие чего участие советских ученых в «мировых» проектах выглядело вполне закономерно. Последний аргумент приобрел особую важность после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и последовавших геополитических изменений в мире.

Грамотно продуманное обоснование темы стало своеобразным «прикрытием», позволявшим, например, Я. М. Боровскому изучать не идеологическую и социальную подоплеку произведения Лукреция, а сконцентрироваться на вопросе «как отвлеченный смысл учения выражается в поэтическом слове... каким образом точная аргументация перемежается и обогащается живыми образами... где и почему за изложением глубоко усвоенного чужого учения можно обнаружить собственное мироощущение человека и поэта», тем самым продолжая научную школу своего учителя Ф. Ф. Зелинского.⁶⁰ Широкое наименование самой темы, состоящей лишь из одного слова «Лукреций» предоставляло широту выбора проблематики для докладов и статей. Так, С. Я. Лурье, занимаясь специально Демокритом, разрабатывал аспект «Лукреций и Демокрит», И. М. Тронский исследовал текстологию и синтаксические особенности поэмы.⁶¹ Заявленного в плане срока исполнения в несколь-

⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 70. Л. 12.

⁵⁷ Тихонов, 2003, 440–441.

⁵⁸ Репина, 2017, 144–146.

⁵⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1074. Л. 107 об.

⁶⁰ Верлинский 2004, 78.

⁶¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1074. Л. 107 об.

ко лет было явно недостаточно для комплексного изучения Лукреция. Формально разработка темы была завершена в год 2000-летия со дня смерти Лукреция — в 1946 г. Именно в этот год 21–22 октября 1946 г. кафедра классической филологии ЛГУ почтила память позднереспубликанского автора проведением специальной научной сессии, где выступили с докладами: И. М. Тронский («Вступление к поэме Лукреция»), Я. М. Боровский («Образ Эпикура у Лукреция»), С. Я. Лурье («Лукреций и Джордано Бруно»).⁶² Я. М. Боровский занимался теми или иными аспектами творчества Лукреция и позже, издав за период 1941–1967 гг. 9 работ.⁶³

В качестве сравнительного материала приведем данные по кафедре классической филологии МГУ. На заседании 4 мая 1942 г. кафедра постановила воспитательную работу проводить по двум направлениям. Во-первых, поднятие общей культуры студенчества. Во-вторых, воспитание патриотизма, военной доблести и самоотверженности. Второе направление решено было реализовывать прежде всего путем чтения специальных лекций по античной культуре с изображением героизма и самоотверженности греков и римлян. Тексты с соответствующими сюжетами советовалось брать для занятий по переводу и комментированию древних авторов. Преподавателям рекомендовалось активнее использовать визуальный материал — изображения памятников античного искусства, показывающие идеалы физической и моральной красоты, а также военной доблести. На заседаниях кафедры планировалось заслушивать доклады на темы войны, патриотизма и «разоблачения фашистских лжеучений об античном мире».⁶⁴ Решение кафедры не осталось лишь на бумаге и в скором времени начало исполняться. На заседании 11 мая 1942 г. С. И. Радциг сделал доклад «Образы патриотизма, военной доблести и самопожертвования в поэзии древних греков». В обсуждении присутствующие отметили «удачно подобранные сведения о воззрениях древних греков на обязанности гражданина, идеалы борца и защитника отечества, выполнения долга перед родиной».⁶⁵ Тот же автор 21 января 1943 г. предложил слушателям «Опровержение фашистских теорий в отношении античного мира».⁶⁶ 17 марта 1943 г. Л. П. Богоявленский прочитал доклад «Г. Юлий Цезарь как полководец, дипломат, агитатор, тактик по данным 1 книги “Записок о Гражданской войне”».⁶⁷ Как следует из протокола, выступающий обосновывал, что в основе деятельности Цезаря лежало знание массовой и индивидуальной психики «своих» и «чужих» воинов. По мнению Богоявленского, римский полководец учитывал психологию удачи и неудачи, психологию толпы, психологию местного населения. Далее автор доклада, стремясь актуализировать античность, сравнивал Цезаря с А. В. Суворовым и М. И. Кутузовым — якобы такой подход позволяет глубже понять тактику римского полководца, основанную на знании человеческой психики.⁶⁸ Конечно, такие доклады на заседаниях кафедры не превалировали,⁶⁹ а с 1944 г. и вовсе отсутствовали. Их появление можно

⁶² Тронский 1947, 203–205.

⁶³ Верлинский 2004, 69.

⁶⁴ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Ед. хр. 9. Л. 11.

⁶⁵ Там же. Л. 14.

⁶⁶ Там же. Ед. хр. 10. Л. 1–2.

⁶⁷ Там же. Л. 6.

⁶⁸ Там же. Л. 6 — 6 об.

⁶⁹ Все же большинство докладов на кафедре было посвящено традиционным научным филологическим вопросам, как например, «Миф о дочерях Даная и связанные с ним мифы в свете со-

легко объяснить директивами, спущенными «сверху». Однако, как кажется, такое объяснение упрощает ситуацию и представляет ученых простыми исполнителями воли государственных лиц. Внешние обстоятельства и фон жизни и деятельности так или иначе оказывают воздействие на характер научного творчества. Приведем выдержку из письма К. М. Колобовой своей близкой подруге Е. А. Миллиор, написанного 27 апреля 1943 г.: «Никогда еще, несмотря на физическое ослабление, накал мысли не был так яростен, и, если бы была возможность, я бы писала дни и ночи, так многое хочется сказать и современникам, и потомкам. Античность для меня стала формой, но содержание ее — мысль современника, мысль убежденного советского человека, и поэтому все вокруг меня выглядит иначе и обо всем старом хочется говорить новыми словами».⁷⁰ В этих словах нетрудно увидеть определенный психологический подъем и желание переосмыслить ряд ранее выдвигавшихся идей. Автор письма убеждена, что древних греков и римлян она стала лучше понимать благодаря изменившимся условиям: по ее мнению, люди разных исторических периодов, помещенные в сходные условия, будут иметь одинаковые мысли и чувства. Эмоциональное сопереживание настолько приближало человека далекой эпохи, что рождало обманчивое представление о проникновении в его сознание, понимании его мировоззрения. Этому способствовала превалирующая в античных текстах военная тематика.

Конечно, стратегии жизни и творчества у ученых-гуманитариев в военное время были различны: одни — переключились на пропагандистскую работу, другие — использовали турбулентный период для достижения эгоистических целей, третьи же продолжали занятия традиционной наукой. Государство снисходительно относилось к последним. Даже в условиях войны большая часть ученых-филологов стремилась следовать своим жизненным и научным принципам. Оптимистичная фраза И. М. Тронского «Работаем здесь полным ходом» свидетельствует, конечно, не о восстановлении в полной мере научного быта, а о желании ученых погрузиться, насколько позволяют обстоятельства, в научное творчество, чтобы дистанцироваться от темы войны, в том числе и в науке. С этой целью и выбирается в 1943 г. Лукреций как объект исследования кафедры.

Список сокращений

ЦГА СПб — Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
РО ИРЛ — Рукописный отдел Института русской литературы
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОА СПбГУ — Объединенный архив СПбГУ

Литература

Аврус А. И., Гапоненков А. А., Данилов В. Н. *История Саратовского университета. 1909–2009*. Т. 1. Саратов, Изд-во Саратовского университета, 2009.

временной науки (к истории сюжета трагедии Эсхила «Просительницы»)» (С. И. Радциг), «Римские литературные нравы в изображении Марциала» (Ф. А. Петровский) (ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Ед. хр. 10. Л. 9–10) и т. п.

⁷⁰ РО ИРЛ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 439. Л. 8 об.

- Верлинский А. Л. Лукреций в трудах Якова Марковича Боровского. *Philologia Classica* 2004, 6, 69–87.
- Гаврилов А. К., Казанский Н. Н. К 100-летию М. Е. Сергеевко. *Вспомогательные исторические дисциплины* 1993, 3, 316–328.
- Дуров В. С. Кафедра классической филологии: прошлое и настоящее (1932–2002). *Philologia Classica* 2004, 6, 3–17.
- Жмудь Л. Я. С. Я. Лурье как историк науки, в кн.: Лурье С. Я. *Избранные труды по истории науки* / Под ред. Л. Я. Жмудя. Санкт-Петербург, РХГА, 2016, 4–50.
- Из «ижевского» архива Елены (Нелли) Миллиор. *Вестник Удмуртского университета* 2000, 3, 3–103.
- Кашеев В. И. Классическая филология в Саратовском университете: истоки ее изучения и преподавания (1917–1920). *Современные наукоемкие технологии* 2020, 12, 362–367.
- Кинжалов Р. В. Из прошлого / подг. текста И. Ю. Шауба. Санкт-Петербург, Свято-Алексиевская пустынь, 2013.
- Лукина Т. А. Воспоминания о моем отце, в кн.: Райков Б. Е. *На жизненном пути: автобиографические очерки*. Санкт-Петербург, Коло, 2011, 531–544.
- Найденев М. Е. Проблемы периодизации советской исторической науки. *История СССР* 1961, 1, 81–96.
- Репина Л. П. Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии. *Диалог со временем* 2017, 60, 142–152.
- Савельев А. Я. (ред.) *Высшая школа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): очерки истории*. Москва, НИИВО, 1995.
- Скворцов А. М. Классическая филология на заключительном этапе Великой Отечественной войны: актуализация дисциплины. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 2022, 1299–1308.
- Соболев Г. Л. Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны. В сб.: Н. Г. Сладкевич (ред.) *Очерки по истории Ленинградского университета*. Ленинград, Изд-во Ленингр. ун-та, 1962, 1, 169–183.
- Тихонов И. Л. Из истории университетских юбилеев. В сб.: *Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета: Документы и материалы*. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003, 443–466.

“Working at full speed here”: The Department of Classical Philology at the Leningrad State University in evacuation to Saratov (1942–1944)*

Artyom M. Skvortsov

S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg Branch),
5, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
artyom-skvorcov@yandex.ru

For citation: Skvortsov A. M. “Working at full speed here”: The Department of Classical Philology at the Leningrad State University in evacuation to Saratov (1942–1944). *Philologia Classica* 2023, 18 (1), 125–138. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2023.111> (In Russian)

The history of classical philology in the USSR during the Great Patriotic War is not yet adequately covered in science. Despite domestic and material difficulties, breakdown of communication and lack of access to literature, the pursuit of science and the training of young people continued. This article reveals how the staff of the LSU Department of Classical Philology, which was evacuated to Saratov, adapted to wartime conditions in terms of scholarly organiza-

* The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation (RSF). Project no. 23-28-00240, “Mobilization of Ancient History: Institutional Transformations and the Soviet Military Historical Narrative 1941–1945”.

tion and research (1942–1944) based on fragmentary archival data and personal sources. With a staff of five, headed by I. M. Tronsky, the department was able to teach Latin and Ancient Literature at the Faculty of History and Philology, as well as to train a small number of “classical” students using pre-revolutionary manuals that had survived in Saratov. The research work of the department’s scholars ran counter to the general theme of the department: “Literature and War”. The titles of the papers by I. M. Tronsky, J. M. Borovsky and G. A. Stratanovsky testify to the desire to continue, as far as the book fund allowed, the themes initiated before the war, or to develop the subjects of the reception of the ancient heritage. In the beginning of 1944, under the supervision of I. M. Tronski, T. N. Chikalina presented a traditional dissertation on the syntax of the “Laws of the Twelve Tables”. The wish not to interrupt the genuinely scientific philological research and to be in the course of world science is also proved by the theme chosen for the department in 1944 — “Lucretius” — to commemorate the 2000th anniversary of the poet’s death.

Keywords: Great Patriotic War, history of classical philology, Tronsky, Leningrad State University, faculty of philology, department of classical philology, higher education in the USSR.

References (all in Russian)

- Avrus A. I., Gaponenkov A. A., Danilov V. N. *History of Saratov University. 1909–2009*. Vol. 1. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 2009.
- Durov V. S. Department of Classical Philology: Past and Present (1932–2002). *Philologia Classica* 2004, 6, 3–17.
- From the Izhevsk archive of Elena (Nelly) Millior. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* 2000, 3, 3–103.
- Gavrilov A. K., Kazanskij N. N. To the 100th anniversary of M. E. Sergeenko. *Vspomogatel'nye istoricheskie dissipliny* 1993, 3, 316–328.
- Kashcheev V. I. Classical philology at Saratov University: The origins of its study and teaching (1917–1920). *Sovremennye naukoymkie tekhnologii* 2020, 12, 362–367.
- Kinzhalov R. V. *From the past*. I. Yu. Shaub (ed.) St. Petersburg, Svyato-Aleksievskaya pustyn' Publ., 2013.
- Lukina T. A. Memories of my father, in: Rajkov B. E. *On the path of life: autobiographical essays*. St. Petersburg, Kolo Publ., 2011, 531–544.
- Najdyonov M. E. Problems of periodization of Soviet historical science. *Istoriia SSSR* 1961, 1, 81–96.
- Repina L. P. Jubilee histories of universities as a genre of recent Russian historiography. *Dialog so vremenem* 2017, 60, 142–152.
- Savelev A. Ya. (ed.) *High School during the Great Patriotic War (1941–1945): essays on history*. Moscow, NIIVO Publ., 1995.
- Skvortsov A. M. Classical philology at the final stage of the Great Patriotic War: actualization of the discipline. *Indoevropeskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya* 2022, 1299–1308.
- Sobolev G. L. Scientists of Leningrad University during the Great Patriotic War, in: N. G. Sladkevich (ed.) *Essays of the history of Leningrad University*, Leningrad, Leningrad University Press, 1962, 1, 169–183.
- Tikhonov I. L. From the history of university anniversaries, in: *Celebration of the 275th anniversary of St. Petersburg University: Documents and materials*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2003, 443–466.
- Verlinskij A. L. Lucretius in the Works of Yakov Markovich Borovsky. *Philologia Classica* 2004, 6, 69–87.
- Zhmud' L. Ya. S. Ya. Luria as a historian of science, in: Zhmud' L. Ya. (ed.) *Luria S. Ya. Selected works from the history of science*. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2016, 4–50.

Received: January 12, 2023

Accepted: March 31, 2023